

Николай ФОТЬЕВ

Избушка

Заметки писателя

В отпусчное и другое удобное время вездил я, бывало, на Верхний Амур.

Его высокие горные берега, такие прочные и чистые, такие гулкие и отзывчивые ко всякому звуку, чем-то напоминали родину — Горный Алтай. Правда, Амур, не в пример Катунь и Бие, спокойно и в горах течет, без шума и рева, ибо все, что мешало ему, он давно уж сокрушил и раздвинул. И то, что он широк, глубок, величав и, как давний хозяин, уверенно идет среди гор, которые почтительно расступаются перед ним, делает его воистину великим и вечным.

Не было для меня лучше места на свете, и, когда как-то раз давние друзья мои стали сманивать меня на Зею, я поначалу и слушать не хотел. Однако чего не сделаешь ради дружбы — и попал я к Белым горам.

Горы эти стоят на мощной глиняной подошве, а сами почти сплошь из белого или белесого песка. Высота — от сотни метров и больше. В иных местах горы прочно стоят — успели покрыться сосняком, травкой. Другие оплывают, оседают, осыпаются. Это работа воды. Из-под сопки, между глиной и песком, сочатся ручьи, ручейки, ключики. Они ежесекундно вымывают в Зею песок и растворенную глину, и те пески, что лежат в виде отмелей, кос и островков ниже Белых гор, тоже, наверное, принесены отсюда.

Казалось бы, что хорошего в этих «плывущих» берегах? Много! Много чистой, очень вкусной воды. Есть, правда, ключики, пахнущие сероводородом: может, где-то под сопками лежит пласт молодого каменного угля? Много сосняка, который и сам по себе хорош. Много багульника, который цветет здесь до самого июня. По верхам много дубняка, белой и черной березы. Держится тут и всякая живность. Это не просто «неудобья», где ни пахать, ни сеять нельзя, ни на машинах, ни на лошадях не проедешь, но и своего рода природный комплекс. А из обнаженных недр веет холодком древности и былого разгула стихий...

Приглядел я там один ручей с собственным голосом и нором. Почти вскачь бежит он под гору и весело шумит. Наверное, прорыл бы овражек, но росший тут ольховник завалил его отжившими сучьями и стволами. Все это обросло мхом,

водолюбивой травкой, молодой ольхой и стало преградой для размыва.

Сюда приезжали мы с приятелями моими Ваней и Егором Егорычем раза два или три. Тешились спиннингом, береговушками, сбором грибов и ягод.

Человек привыкает даже к пустыне, находя и в ней своеобразное очарование. А уж к таким местам, как Белые горы, и не хочешь, да прикипишь душой.

И задумал я тут, на ключе-ручье, срубить небольшую избушку. Это же очень просто. Едва прибудет Зея, как несет по ней столько бревен, что успевай только ловить. Однако разлив я пропустил и приехал сюда снова в начале лета. Со мной был Борис Казаринов, телевизионщик.

Стоял июнь. Под ярами в промывах еще белели нерастаявшие льды, а над ними, по склонам и обрывам, там и тут лиловел багульник, сверкала молодая древесная листва, цвели запоздавшие черемушки и дикие яблоньки. Хвоя сосен в пене молодой листвы казалась необычно густой и темной.

Вода уже спала. Бревна по реке не плыли, но их легко было найти на обсохших берегах и косах. Мы подплывали к ним на лодке, сталкивали в воду, цепляли на «удавку» и, привязав к носовой скобе, отплывали, прибавляя газу. И — только брызги по сторонам!

Метрах в тридцати от воды, на косогоре, выкопали котлованчик. Отыскали на берегах покомлистей и посмолистей листовенничные чурки, доставили их к месту строительства и вкопали под углы. И вот избушка уже обозначилась первым венцом-окладом, балками, настанным полом.

В чистоте наша обитель обещала площадь в шестнадцать квадратных метров. Четыре на четыре. Однако легко сказать... Лиственничные бревна тяжелые. Обтесав да оскоблив, мы, как два муравья, тянули эти великие тяжести вверх, в косогор, на подъем градусов в тридцать. Подложим специальные каточки и — раз-два, взяли! Подернем, подернем да ухнем! И так весь день. А кто, спрашивается, гнал? Кому и зачем это нужно было?

Отступать казалось малодушным. Пусть другие не могли поставить избушку: кишка тонка, лень мешала, выгоды не видели. А мы вот взяли да и поставили. Пожалуйста! Пользуйтесь, люди добрые! Нам

не жалко. Да и то сказать: впустую пропадают бревна, так хоть тут польза будет.

Зимовать в избушке мы не собирались и насчет большого тепла не беспокоились — рубили, не выбирая пазов, лишь бы щелей не было. Углы вязали в охряпку. Это несложно. Бревна клали не на мох или на паклю, а на обыкновенное сено. Для этого сплавали в Сретенку, на ту сторону, у знакомой бабушки попросили косу. С утра я отплывал на остров, сразу за протокой, и накашивал там с копешку сена. В обед, когда трава немного подсыхла, сгребал, увязывал и переправлял к месту строительства.

По-хорошему, сначала было бы наловить, насбирать бревен, потом уж ставить избушку. Но мы строили из чего попадет. И порою тяжелые бревна шли в верхние венцы, и стены от этого выходили не очень ровными. Однако углы мы выводили строго по отвесу.

По два венца в день — было для нас нормой. Так что сруб подняли за неделю. Два дня ушло на «совмещенные» потолок и крышу. Напилили с полсотни коротышей. Иные раскололи, иные обтесали. И все это, подогнав как следует, на два ската с напуском, нижними концами на стены, а верхними — на матицу уложили и прибили большими гвоздями. Законопатив щели и настелив обрывков целлофана и толя, набросали надежный слой земли. Из толстых досок сколотили дверные и оконные косяки. Окна затянули марлей, дверь завесили куском брезента, у двух противоположных стен устроили нары, у третьей — столик. Вот и готово жильё!

Ровно на десятый день, выскоблив поровней боковину самого толстого бревна, химическим карандашом начертали: «Избушку строили Н. Фотьев и Б. Казаринов с 1 по 10 июня 1975 года. Добро пожаловать!»

Осталось несколько бревен на дрова. Одно из них, гладкое и длинное, оказалось с дуплом. Его-то мы и раскололи пополам и вытесали два желоба. Желоба занесли к истоку ручья, положили на «козелки» и направили по ним воду к столу, к очагу, поближе. А чтобы вода, падавшая из желоба, не пробила яму, поставили под нее деревянный ящик, «пойманный» на реке. Этот ящик служил потом для нас и для всех, кто приезжал сюда, холодильником.

До чего же все хорошо было! Внутри избушка светилась мягким золотистым светом, потому что и стены и потолок были чисто отесаны и ошкурены и не успели еще потускнеть. Избушку калило солнцем, она просыхала, исходя ароматом смолы и ядреного дерева. Вокруг все было чистенько подметено. Даже щепки лежали отдельной горкой: высохнут — растопка будет. Утоптаный песок сверкал стеклянными блестками. И вода день и ночь лилась из желоба. Подставь кружку — и пей. Умыться-охладиться — пожалуйста. Только уж слишком холодна водичка!

Выше, на косогорчике, мы посадили с десяток сосенок, а под берегом, где вода сочилась, натыкали ольховых побегов, которые и прижились вскоре.

Славно в этом диком месте смотрелась наша избушка! Желтая, солнечная, она манила, звала к себе путника.

Частенько возвращался я из загородных поездок с ощущением то пустоты, то вины, ибо, казалось, зря времени потратил изрядно. Зато уж на этот раз чувствовал себя отменно.

Когда покидали избушку, не забыли поклониться и «домовому». «Принимай, храни жильё, хозяин! До скорого свиданья!» «Домовым» был обыкновенный бурндук, сидевший колышком на завалинке и, должно быть, понимавший, что мы оставляем избушку в полное его распоряжение.

Избушка стала желанным пристанищем для всех, кто доплывал до этих мест. Многие оставляли записки. Дескать, благодарим за приют, за «чудо, которое вы сотворили...» Иные писали на стенах: «Мы ночевали здесь. Спасибо!» И, право, приятно было. И нам хорошо, и людям!

Правда, были на стенах и другие надписи. Например: «Гришка! Ты дурак и не лечишься...», «Мы, пираты...»

Все эти «пираты» были, конечно, местными ребятами. И раньше они наведывались к нам из Источного. Одни держались робко и любопытно, другие выказывали свое деревенское превосходство: для нас, мол, это все не в диковинку, а вы ездите сюда вон откуда! Третьи даже недовольны были, поскольку считали эти уголья своими. А тут мы влезли. Без нас лучше было. Это отношение, скорее всего, исходило от взрослых.

Однажды навестили нас два подростка лет по пятнадцати. Поздоровались, уселись на чурках, молчат.

— Ну, что молчите, гости дорогие?

Гости переглядываются. Потом один спрашивает:

— А вы... это... Долго еще тут будете?

— Денька два. А что?

— Да мы хотели одному парню тут день рождения отметить.

— Когда у него день рождения?

— Послезавтра.

— Ну вот, как раз. Освободим вам место. А можно бы и при нас. Вы нам не помешаете.

— Да нет... Мы одни хотели.

— Ну, одни так одни. Только уж вы тут по-хозяйски...

— Понятное дело!

Угостили мы их чаем, а они все сидят. Потом один спросил, кивнув на избушку:

— А если ее сломают?

— А зачем?

— Или трактором спихнут?

— Так что, она мешает кому-то? Или как?

— Да нет. Я так, вообще...

Вот задали нам заботу!

Однажды, когда мы сидели за чаем, мимо избушки по берегу прошла стайка девочек. Сначала слышно было, что они купались, смеялись и повизгивая. Потом вдруг донесся панический вопль:

— Тонет! Тонет! Помогите! А-я-я-я-я!..

Первым поспел к месту бедствия наш друг Алексей Шатон. Себе он посбивал ноги, пока бежал босым по берегу, зато спас чью-то дочь, подружку, невесту...

Думаю, что одним только этим наша избушка окупила себя навечно! И вот, оказывается, она кому-то мешает. Привлекает сюда лишний народ.

Больше всех, как выяснилось, были против нее те охотники, которые в этих местах ставили ловушки на колонков и норок, даже в несезонное время тут частенько постреливали. Особенно на зорьке...

— Я слышал, — сказал однажды Борис, — что всякие избушки и землянки теперь официально запрещаются. Вот и жгут их.

Я тоже слышал. Делается это во имя «спасения природы». Дескать, не будет в лесах и на берегах землянок да избушек, и люди к ним ездить перестанут. Меньше станет пожаров, браконьерства, вреда всякого.

Нет. Никто и никогда не перестанет ездить «на природу». Тем более при такой малой плотности населения, как у нас на Дальнем Востоке. Регион, включающий Дальний Восток и Якутию, имеет население в шесть миллионов человек. И площадь его составляет тоже около шести миллионов квадратных километров. Значит — по квадратному километру на человека, включая младенцев и престарелых. И при таком обилии земли не пускать человека в лес и на реки! Помилуйте! Кого же мы спасаем и от кого?! Что это за жизнь, если человеку на своей родной земле нельзя провести несколько дней «вдали от шума городского»?

В Прибалтике, например, охранители лесов специально строят избушки-приюты. Ну, а раз идут человеку навстречу, то и он старается добром ответить. В данном случае природу и среду охраняет не только и даже не столько специальная служба, сколько сама общественность, народ, как действительный хозяин. А когда же этого хозяина объявляют «нарушителем», не доверяют ему и гоняются за ним чуть ли не с дубьем, то вынуждают как-нибудь приспособляться, хотя бы временно. И получается не хозяин, а временщик, после которого — хоть потоп. Где приткнется, там и деревья рубит, и костры жжет, и банки бросает, и браконьерничает, если удастся. И попробуй найти ответчика! Ищи ветра в поле...

А ведь многие хотели бы иметь где-нибудь на берегу постоянное пристанище. Пусть это простенькое жилье — землянка, избушка, — было бы зарегистрировано где-то и узаконено. Пусть тот, кто наезжает сюда, нес бы полную и строгую ответственность за чистоту, порядок и пожарную безопасность в этом месте. К то-

му же и за другими он следил бы исправно, ибо с него же и за других спросится: ты здесь обосновался, ты и отвечай!

Но нет. Все землянки, которых раньше было довольно много по берегам Зеи, теперь либо сожжены, либо разрушены, так сказать, официально.

Будь здесь в десятки раз больше людей, и тогда всем простору хватит, лишь бы хватило ума ладить с землей и природой.

Мы каждый год, вот уже несколько десятилетий кряду, вербуем на Дальний Восток переселенцев. На это затрачиваются огромные средства. Но нередко получается так: сколько приезжает, столько и уезжает. Ибо жизнь здесь потрудней и подороже, чем, скажем, на Украине, на Кавказе, в Средней Азии. Иногда уезжают и старожилы. Думаю, что в числе причин есть и то, что не всегда внимательно относимся мы к запросам людей, которые хотели бы пустить поглубже корни.

А ведь когда человек посадит своими руками сад или хотя бы несколько деревьев, когда он устроит хоть небольшой клочок земли, то это место становится ему ближе и дороже. Именно отсюда идет чувство родины, патриотизма, гражданственности. Отсюда человек не вдруг сорвется, как перекасти-поле. Такое место привязывает и побуждает заботиться о нем.

Ну, а если у человека только казенная квартира и больше ничего на земле? Что его остановит, привяжет, заставит болеть за землю? Тем более, что такие же квартиры теперь найдутся где угодно — во всех городах и селах.

Через некоторое время мы поставили рядом с избушкой баньку — с «сухим» паром и хорошим веником, как мечтал Егорыч, старый мой приятель, заядлый рыбак, знающий Амур, Зею и тайгу, как никто другой. Он и здесь, на природе, не мог обойтись без этого. Поживет, поживет и едет через Зею в Сретенку, к знакомой бабушке, баньку заказывать.

В бане Егорыч не хлещется, не стервеенеет, не стонет в сладком изнеможении, не суется. Он лежит пластом, недвижно, расслабившись, а какой-нибудь услужливый человек хлопчет над ним сразу с двумя вениками в руках и производит нежные, колебательные движения. Потом Егорыча надо ополоснуть прохладной водичкой, потом сделать легкие растирательные движения теми же вениками, потом снова и снова помахать над ним. За это Егорыч и сам может кого-нибудь вот так же попарить.

Так вот. Егорыч подал мысль, а мы все: Борис, Алексей Шатон, художник газетного издательства, Миша Чупин, механик, и я — поддержали.

Больше всех для баньки потрудился Миша Чупин. Тогда он работал на наладке элеваторного оборудования и автоматики. Парень он сообразительный, шустрый, любая работа в руках горит. Причем всякое дело Миша предпочитает делать пер-

сонально, ибо терпеть не может обычных темпов. Вот и вкалывал Миша где-нибудь на отдельном участке в одиночку, по две, по три смены в сутки. Особенно перед уборкой хлеба. Ведь элеваторы ждать не могут. Зато потом Мише давали хорошие отгулы. Вот тогда-то он и наезжал сюда, к Белым горам. Но и тут не сидел на месте — все хлопотал да придумывал что-нибудь. Таков человек. За каких-то три-четыре дня Миша наловил, натаскал на лодке лесу как раз на баньку. При этом каждое бревешко успел выкатить на сухое и ошкурить, обработать. Да еще и рыбалить успевал. Вскоре весь берег напротив избушки светился беленькими и желтыми бревешками.

Таким образом, благодаря Мише баньку мы сляпали почти вдвое быстрее, чем избушку. Каменку сложили, бочку на нее установили, чтоб вода грелась, и хороший полук настелили, и лавки поставили.

Бывало, устанешь, захудаешь, пропотеешь, от комаров натерпишься. А как напаришься да с разбегу ухнешь в реку!.. До чего же теплой и ласковой кажется вода, какая легкость во всем теле: чистилище прошел, да и только!

Однажды, после баньки, легкие душой и светлые ликами, сидели мы за большим нашим «братским столом». А напротив, на другом конце стола, колышком торчал полосатый наш сосед-бурундучишка.

Я и раньше замечал: когда у человека доброе или благостное расположение духа, животные это как-то чувствуют и меньше боятся или вовсе не боятся его.

Много бурундуков развелось с тех пор, как мы подселились к ним. А скорее всего, их и раньше тут не меньше было, но только теперь они чаще стали навещать нас.

Вот сидит этот зверь в двух метрах от нас, на краю стола. Глазки его, похожие на яблочные семечки, смотрят как бы во все стороны сразу и на нас тоже. Бдит! Вообще у него сложное положение. Инстинкт заставляет его запасти корм на зиму во что бы то ни стало. Но опасно все же, опасно. Настороже быть надобно. «Вы-то вон какие зверищи! А я махонький...»

Вдруг, совсем освоившись, бурундук юркнул в кружку, где было немного вермишели. Будто всю жизнь только этим и занимался. Кружка большая, с цветочками, а в ней полосатый господин сидит, до половины высунувшись. В передних лапках держит пучок длинных вермишелинок, быстро-быстро дробит их на мелкие части и заполняет защечные мешки. Когда щеки совсем распухли, он порскнул из кружки и исчез. Но вскоре опять появился, уже «похудевший», и опять забрался в кружку...

Да, в этих местах еще водится живность. Видели мы и белочек, и колонков. И норку видели. Это она однажды повытаскивала из садка всех пескарей и чебаков. Поднявшись на гору, можно заме-

тить кабаньи раскопки и козьи следы. А вот что рассказывал один охотник:

«...Внучка своего, Кирилл, я вожу в эти места на лодке чуть ли не с пеленок. Закаляю. Хороший мальчик, терпеливый. Иной раз комарье навалится, а он — ничего.

Дело днем было. Старшие мои домочадцы по грибы ушли, я с мотором копался. Кирилл у ручья играл. А день такой славный. Загорать только. Ну, Кирилл мой и гуляет голенький. Только вот бережок у ручья обрывистый. Боюсь, не упал бы мальчик.

— Кирька! — кричу. — Иди сюда.

Не идет. То ли из-за шума ручья не слышит, то ли отвечать не желает. Опять кричу. А он мне:

— Кийка исисит! — сердитенько так. Досадует. Кирька не слышит, дескать, и беспокоить человека нечего. Тем более, что у ручья так интересно.

— Кирька!

— Кийка исисит!

Потешно мне. Дай, думаю, помолчу, наблюдаю, что будет делать человек. Да и забылся. Поднимаю глаза. Кирька все так же прутиком по воде ширяет, а на бугорке, где наша палатка, большая кошка стоит. Уши — с кисточками. Так и екнуло у меня сердце. Ребенок ведь рядом! Побежал я в гору, затопал. Рысь как даст прыжок — да на палатку, а уж с палатки — в кусты.

— Кирька!

— Кийка исисит!..

Ну вот и ладно, думаю. «Исисил» — и не видел. Не испугался...»

Всячески хотели мы обжить, украсить нашу избушку. Рыбаки завезли туда соломы для постелей. Знакомые отпускники оставили одеяла.

Миша Чупин грозился сделать «свое электричество» — вывести воду ручья по желобам на самый обрыв берега и установить под водопадом малую турбину. И стала бы она вырабатывать энергию этак лампочки на две-три. Больше нам и не требовалось.

Из здешней глины иногда лепили мы разную посуду и обжигали в костре. Иная терпела, иная лопалась. Из пустых консервных банок ладили ветряные мельницы и флюгера. Однажды я вылепил из глины скульптурный портрет Егора Егорыча, и тот признал: «Похож». Но потом какой-то озорник, склонный к натурализму, испортил его.

Детские наши забавы здесь ни у кого не вызывали ни ехидства, ни усмешек. Все было понятно. Отдых, раскованность, шутка, сказочность, красота, выдумка...

Получалось, что это открытое для всех жилье само побуждало уважать и беречь его, содержать в чистоте и порядке. И всегда тут было чисто, приманчиво, уютно. Так, по-хорошему, избушка и в зиму ушла. А в марте, после темной метельной ночи, знакомый летчик, пролетавший всякий раз над этим местом, увидел, что избушка сгорела, банька сожжена.

Две черные груды. Пострадали и две сосны, стоявшие рядом...

Я уже говорил, что мы и раньше допускали такое. Но после того, как избушка простояла уже почти два года и все большую популярность обретала, мы поверили, что она и дольше будет стоять. И вот... Канистра бензину. Ночь. Метель. Подлая душа. И землянки, которые еще оставались на островах, тоже вскоре сожгли. А это уже не частный разбой. По «закону», во имя «высшей цели».

Но почему тогда ночью? В дурную погоду? Ведь честные и чистые дела так не делаются! Но открыто, — стало быть, опасно. Все увидели бы. И поджигателей в лицо теперь знали бы, и потом в них пальцем тыкали. Значит, дело в данном случае сделано нечистое, несправедливое и незаконное.

Кому мешали избушка и банька? Ведь они стояли вдали от всяких дорог и угодий — на абсолютных неудобьях. Источенскому охотнику, который в этих местах ловил колонков и норок? Так чего он этим добился? Люди ведь сюда не перестанут ездить. Наоборот, с каждым летом их сюда прибывает все больше. Стало быть, глупость совершил человек.

Может, позавидовал кто-то? Так чему ж тут завидовать? Может, есть сорт людей, для которых жизнь становится немилрой, если кто-то что-то сделает хорошо, не как они? Значит, надо окоротить их? Например, избушку сжечь?..

Да мало ли подступало всяких вопросов. На все не ответишь. Следствие возбуждать у нас, собственно, нет оснований. Избушка, банька — это ведь наша частная инициатива, и только. За ними, как за некоей ценностью, не стояло ни уголовного кодекса, ни казенной опеки, ни чьих-то руководящих указаний. Неофициально сделаны. Без разрешения. Вот так вот! И каждый человек мог сделать с ними что угодно. Добрый мог относиться по-доброму, дурной — в соответствии с его дурью или испорченностью.

Все теперешние так называемые места «массового отдыха», в сущности, ничейные. Громкие слова «наше общее достояние» мало что значат для охраны природы, среды, человека, ибо конкретно каждый, кто пользуется «нашим общим», ни за что не отвечает. Тем более никогда и никто добровольно не признается, что именно он содейл в таком-то месте что-то недоброе. Само слово «массово» в отношении к природе и отдыху людей как бы исключает все персональное, личностное и предписывает стандарт.

Я уже говорил, как поступают в Прибалтике. Уверен, что и на Дальнем Востоке придут к этому рано или поздно. Но сначала, как видно, надо побольше дров наломать.

Сколько раз я слышал: «Ну разве плохо, что я предпочитаю отдыхать сам в избушке за свой счет, что государство не обслуживает мой отдых, не тратит на меня денег? Разве лучше было бы, если бы я

клянчил путевки, тратился на билеты, торчал в очередях, перегружал транспорт, а потом занимал какое-нибудь дорогое жилье, и врачи бы за мной следили, и обслуга всякая ухаживала?»

Вот именно. И таких, предпочитающих отдыхать без лишних затрат и обслуг, — миллионы. А денег, которые за счет этого экономит государство, — сотни миллионов рублей. Что касается здоровья и душевного комфорта, то их вообще никакими деньгами не измерить. Не зря же в последние годы такое громадное внимание со стороны государства уделяется развитию и обогащению туризма и индивидуального отдыха.

Я был бы несправедлив, если бы не сказал, что в последнее время все больше и больше строится ведомственных турбаз, домов рыбаков и охотников, оздоровительных лагерей. Средства на это отпускаются колоссальные. На это работают целые армии строителей, культработников, врачей и многих других специалистов. Не случайно же все чаще стали употреблять такие слова, как «индустрия отдыха».

Но ведь сельское хозяйство тоже стало индустриальным. Однако это вовсе не исключает подсобных, индивидуальных хозяйств, участков, садов, огородов. Напротив, это все больше поощряется в последние годы.

Итак, «индустрия отдыха». Несколько лет назад благовещенские архитекторы в районе Мухинки построили себе, по своему проекту, неплохой коттеджик для отдыха и творчества. Свою, так сказать, базу. Влетела она, конечно, в копеечку. Пожили они там, побывали раз-другой и перестали ездить: «Не то, товарищи. Не то!» Затрат много, хлопот много, а пользы и удовольствия — нет. Долго искали, кому бы передать базу с баланса на баланс. И передали кому-то.

Подобные базы обходятся недешево. Особенно для небольшого коллектива. И охранять их надобно, и отапливать, и содержать по-хозяйски, и ремонтировать вовремя...

Но попробуйте заикнуться построить, скажем, домик рыбака или что-нибудь подобное индивидуально, как те же архитекторы возразят вам категорически: «Не положено. Только по нашему проекту. С канализацией, с водяным отоплением и прочими услугами...» Именно так мне ответили однажды.

Турбаза облпотребсоюза в районе Белогорья имеет всего тридцать койко-мест. А строительство ее обошлось в астрономическую сумму — в 186 тысяч рублей! Трудно было поверить, и потому я специально обратился в бухгалтерию облпотребсоюза. Да — сто восемьдесят шесть тысяч. Да — тридцать койко-мест. При базе содержится заведующий, две уборщицы, прачка, три или четыре кочегара. Ежегодный убыток, в среднем, пятнадцать тысяч рублей.

Вот это «индустрия отдыха»! Одно койко-место стоит шесть тысяч двести руб-

лей! Что же это за золотые отдыхающие?!

Точно такое же положение и с другими подобными базами, которых неподалеку от Благовещенска настроено уже изрядно.

В чем же дело? Почему они не только не окупают себя, но и приносят ежегодно громадные убытки? Да очень просто. «Массы» не желают отдыхать вроде как в общежитиях, хотя и места рядом красивые, и подъезды удобные. Людей больше тянет отдыхать индивидуально, по-своему.

Вопрос этот непростой и непрямой. Конечно, коллектив — сила. Если работать сообща — можно гору свернуть. И отдыхать можно коллективно, но иногда хочется побыть одному или вдвоем-втроем, без шума и суеты.

Шум давно уже стал серьезной помехой здоровью. А на той же турбазе, о которой идет речь, кроме «койко-мест», есть еще специально благоустроенные комнаты типа «люкс», с телевизорами, коврами, холодильниками, ваннами, мягкой мебелью и прочими удобствами. Тут отдыхают, так сказать, отдельные лица. Эти-то две-три комнаты и составляют главную стоимость столь дорогой и столь убыточной турбазы.

...Помнится, когда была еще «жива» наша избушка, поплыли мы туда раз с Егорычем. К Белым горам подошли уже ночью. Над рекой вздымалась полная, невероятно огромная луна.

Зея у Белых гор разливается очень широко и течет без всяких проточек. Этаким раздольный плес! И весь он с правой стороны охвачен полукружьем высоких горных берегов, отчего и напоминает гигантскую чашу.

На плесе мы незаметно разошлись в сто-

роны. Егорыч на своей лодке прижался к сопкам и плыл где-то в тени их, вдоль берега. А я шел серединой плеса и все боялся, как бы не наскочить на топляки или плывущие бревна.

Подплывая к берегу, я попал в полосу лунного света и ахнул: на косогоре, в лунном свете и резких тенях от сосен, избушка казалась прямо-таки сказочной. Высокая, с окошком на реку, тихая, ясная, загадочная. А чуть выше и правее, как серебро, сверкала падающая из желоба вода. И никого, никого тут не было. Избушка ждала нас...

Едва причалил к берегу и заглушил мотор, как обдало запахом сухого корья, свежего сена и хорошо прогретого смолистого дерева. Это избушка дышала.

За месяц, пока я не был тут, все хорошо просохло, как бы устоялось и упрочилось. Да и весь косогор казался теперь прочней и надежней.

— Здравствуй, родненькая! — сказал я с таким чувством, будто после долгой разлуки вернулся наконец к заветному порогу. — Стоишь, ждешь? Целехонькая...

И, если бы в эту минуту кто-нибудь как-нибудь отозвался, я, наверное, принял бы это как нечто естественное и обрадовался еще больше.

Долго стоял у порога, вдыхая все тот же отрадный запах и любовался загадочным лунным светом, так щедро залившим этот косогор, водную гладь реки и большой остров напротив. Покой здешний казался вселенским. Чисто, ясно, безмятежно... Наверное, потому, что всю дорогу железным ревом терзал уши лодочный мотор. И вот — все. Тишина. Волшебный лунный свет. Белый песок под ногами. Тихая избушка. Никого вокруг...